

Причины были просты: во-первых, ему казалось, что этот жанр сложно писать — слишком легко впасть в излишнюю язвительность. Август же предпочитал наивные или героические сюжеты, которые не требовали особых умственных усилий и приносили удовольствие от начала до конца. Во-вторых, он не мог понять, как на свете существуют настолько глупые люди: уже обладая огромными богатствами, они готовы потерять лицо ради мелкой выгоды.

Как оказалось, такие люди действительно водятся. Чем богаче человек, тем он скупее и бесстыднее. Богатство и воспитанность далеко не всегда идут рука об руку — и это не зависит от того, сколько поколений семья была знатной. Иначе бы не появилось на свет таких литературных персонажей, как Гранде.

Будучи одним из участников этой семейной драмы, Август, несмотря на возможность близко познакомиться с таким экземпляром, не испытывал ни капли радости. Ему хотелось схватить графа Кента за воротник и крикнуть: «Какое тебе дело до моих денег? Наследство матери поделили на четыре части — почему я должен отдавать тебе свою долю?!»

Рафаэль остановил его, положив руку ему на плечо, давая понять, что не стоит горячиться.

Лишь после того, как управляющий усадьбой удалился и вокруг остались только верные Августу люди, Рафаэль неспешно произнес: «Твой третий брат, судя по всему, человек с интересной историей».

Август с ним согласился. Если бы обстановка была подходящей, он бы уже спросил: «Расскажи свою историю».

— Но истории можно слушать с одной стороны, а вот происшествия нужно рассматривать с обеих, — продолжал Рафаэль, куда более опытный в подобных делах. Он не раз помогал Ричарду II разбираться с дворянскими склоками, и порой казалось, что вся мировая драма сосредоточилась в этом одном сословии. Независимо от пола, все они были настоящими драматическими королевами, с бесконечными сюжетными поворотами. — Вот простой пример: Ричард и Мария. Каждый из них со своей точки зрения — хороший человек.

Ричард хотел мужского наследника, чтобы Англия не повторила судьбу Арагона; Мария же жаждала отцовской любви и законного статуса.

Оба делали то, что считали справедливым, и были непоколебимы в своих убеждениях.

Историю третьего брата, судя по известной информации, скорее всего, представят так: холодные и эгоистичные братья с сестрами объединились, чтобы заполучить наследство бездетной старшей сестры-графини, заодно избавившись от одного из своих.

— Как это? — Август даже не додумался до такого.

— Всё просто. Второй брат, у которого есть титул, хочет денег, а четвертый, у которого есть деньги, хочет титула. Они объединяются, отправляют третьего в лепрозорий, четвертый получает титул, второй — деньги. Все довольны. — Подобные интриги Рафаэль мог придумать за считанные минуты, да еще и поизощреннее. Например, дожидаться, пока третий брат действительно заразится проказой, а затем свалить всю вину на него, выставив козлом отпущения, а самому забрать всё. В конце можно даже усыновить его дочь, чтобы прослыть благородным человеком.

— !!!

— Но я хочу сказать, что есть и другая версия: третий брат убил старшего, чтобы получить его титул, однако замысел раскрылся. Чтобы избежать скандала, второй брат отправил его в лепрозорий. — Это тоже вполне возможно. Граф Кент, будучи вторым братом, и вправду выглядел человеком, далеким от сострадания и алчущим мелкой выгоды, но вряд ли способным на убийство — слишком уж труслив.

— Так какая же версия правильная? — Август совсем запутался.

— Кто знает, — пожал плечами Рафаэль. — Может, всё и правда так и было: старший брат сам себя погубил, третий заболел проказой, и несчастья обрушились на эту семью.

— ...

— Вот почему я тебя остановил — чтобы ты не спешил с выводами. Дай мне время всё выяснить, а потом уже решай, хорошо? — Рафаэль изо всех сил старался сохранить имидж Августа как герцога Глостера.

— Я не делал никаких выводов, — возразил Август.

— Но ты явно хотел познакомиться с дочерью третьего брата. — Рафаэль слишком хорошо знал Августа. Ему хватало одного взгляда, чтобы понять, что тот задумал.

Август не стал отрицать:

— Да, это ведь моя племянница. Судя по словам управляющего, она еще совсем маленькая. Если никто не сможет о ней позаботиться, я не против взять её на воспитание.

Август был гомосексуалистом и твердо решил: даже если не сможет открыто жить с партнером, он не станет губить жизнь хорошей девушки. В будущем ему неизбежно придется столкнуться с давлением отца по поводу наследника, и вместо того чтобы усыновить ребенка, у которого уже есть родители, он мог бы взять эту сироту. Может, в этом и есть судьба?

Рафаэль не знал о тайных мыслях Августа, полагая, что это просто очередной приступ его доброты. Хотя Август всегда твердил, что он не хороший человек, Рафаэль считал, что тот попросту не понимает, что такое быть по-настоящему плохим. По крайней мере, он спрашивал себя: что бы он сделал, получи письмо от незнакомца? Скорее всего, проигнорировал бы. А если бы надоедливость зашкалила, попытался бы избавиться от этого человека, испытывая к нему искреннюю неприязнь.

Сколько людей в мире, раздражаясь от незнакомцев, станут терпеливо отвечать на их бессмысленные послания, да еще и в какой-то мере утешать?

Рафаэль не знал точных цифр, но он точно знал, что встретил такого Августа.

Пока Рафаэль собирал сведения о прошлом графа Кента и его братьев, Ричард II активно готовился к рыцарскому турниру, который должен был стать прелюдией к охоте на Белого оленя.

Главный смысл существования рыцарства в Средние века заключался в бесконечных сражениях.

Наем на войну был одной из форм боя; турниры — другой, а охота — их производной. Поэтому перед крупной охотой или после неё всегда устраивали рыцарские турниры.

В этом отношении западные короли и восточные императоры были схожи. Кто читал романы о путешествиях во времени, наверняка знаком с этим.

Однако большинство людей заблуждается, считая рыцарские турниры чем-то вроде поединков американских героев, где всё держится на культе личности. На самом деле средневековые турниры куда больше ценили командные сражения.

Рыцари Круглого стола короля Артура были единым целым, а не просто сольными выступлениями Ланселота или Гавейна.

Ричард II, как и его брат Чёрный Принц, очень уважал такие турниры. Чёрный Принц иногда даже лично участвовал в них. Ричард же, будучи уже в годах, чаще всего мог только наблюдать. Как человек с артистической душой, он имел сердце тирана, но не обладал внушительной внешностью, которую обычно приписывают таким правителям.

Когда Август впервые приехал в Лондон, мисс Мария намекнула ему, что Ричард II очень хочет, чтобы его рыцари сразились с рыцарями Августа. Ристалище во дворце Уайтхолл построили одним из первых.

К сожалению, по разным причинам мечта Ричарда II так и не осуществилась.

И Августу тоже не приходилось ломать голову, выбирая между защитой репутации своего рыцаря-командора Андре и сохранением лица дяди Ричарда.

Пока Рафаэль с удовольствием ждал, когда Август попросит помощи в выборе, Джон сам предложил решение:

— Позвольте мне выступить первым.

Для Джона это было испытание перед посвящением в рыцари и последний экзамен от командора Андре. Он обещал Августу, что вернется и серьёзно подумает о своём будущем, но размышлял он не о том, куда идти, а о том, как убедить Андре оставить его. Он прекрасно понимал: его выбор ограничит карьеру — возможно, навсегда оставив его помощником Андре, — но был готов к этому.

Андре, которого Джон достал своими просьбами, поставил условие: если Джон сможет принести победу герцогу Августу — то есть одержать несколько побед подряд, — он согласится оставить его.

<http://bllate.org/book/15929/1424312>